

Глава 1

Я открываю глаза

Сначала появился страх. Яркий свет ослепил. Я зажмурилась. Но он проникал сквозь веки и, кажется, замораживал. Именно ледяная яркость заставила кричать. Крик захлебывался, я одновременно кашляла и пыталась дышать.

Мысли путались и носились в голове, как стая голодных ворон. Быстро, бессвязно и панически. Воздуха не хватало.

Почувствовала, что в горло вливают что-то теплое, доброе — и страх отступил. Веки потяжелели. Спасительная темнота приняла в свои объятия.

Только через несколько дней я поняла, что не так.

Я не могла двигаться, не могла говорить. Люди вокруг были слишком большими. Все выглядело размытым и странным, словно в глаза мне вставили по чужой невынимаемой линзе. Неясность окружения усугублялась

невозможностью общаться. Великаны говорили на непонятном языке.

Размер тела и отношение окружающих ясно говорили, что я была ребенком. Но разум отказывался принять информацию.

Лежала и пыталась понять, что же произошло. Вероятно, миф о перерождении душ — правда. Но где-то наверху произошел сбой: мне досталось утро небесного бодуна или божественная сущность, отвечающая за перерождение, оказалась сущностью, и память моя не стерлась с рождением. Потому что там, в другой жизни, я была взрослой женщиной с двумя детьми, мужем и экономическим образованием. И, кажется, умерла.

Воспоминания клочками прорывались в размягченный мозг, особенно ярко являясь в кошмарах. Я будила мать громкими криками, заставляя ее нервничать и звать на помощь.

Мы попали в аварию. Вспомнился удар, крики мужа, детей. Бешеное вращение перед глазами, мелькание фар. Четкое понимание, что все умрут, но никто уже ничего не мог сделать.

Вроде бы мы ехали из столицы домой... по замечательной платной автомагистрали. И на огромной скорости впечатались в попутную фуру. Не помню: видел нас водитель или нет. Может быть, он заснул за рулем или решил перестроиться в самый неудачный момент...

Чтобы вспомнить, у меня было много времени. Но мозг категорически отказывался думать, запоминать, анализировать. Тело отказывалось двигаться. Я могла открыть глаза. Но если пыталась поднять руку, то все тело принималось хаотично извиваться и вытворять невероятные кульбиты.

Хотелось спать и есть, укутаться в тепло и провалиться в темноту. А может, сбоя не было? И через пару месяцев я забуду о прошлом? Прошел день, второй, неделя.

Я все так же помнила, как решаются интегралы, но хоть убей, не могла провести расчеты мысленно. А я не дура, прошу учесть.

От своей несостоятельности хотелось рыдать, что я благополучно и делала. К тому же меня немного укачивало в люльке, но на возмущенный крик лишь сильнее качали.

Еще меня убивали запахи. Так много всего воняло: тряпки, место, где меня держали — это я о люльке, — и особенно я сама. То ли тут не принято детей мыть и переодевать, то ли на мне сэкономили. Все люди, бравшие мое непокорное тело на руки, тоже воняли! Их было пять или шесть человек. Из них хорошо пахла только мама, да и то это был аромат с перчинкой горечи, от которой слезились глаза.

Сносно дышать можно было только на прогулке, когда нежные руки выносили меня на яркий свет и качали под тихое пение. Я немного приходила в себя и наслаждалась свежестью леса и воды.

Плохо быть ребенком: никто тебя не слушает, не понимает, не учитывает твоих пожеланий! Да у домашней болонки прав больше, чем у новорожденного! Бедные младенцы, как же я вам сочувствую! И себе тоже.

Через несколько недель свыклась с мыслью, что окончательно спятила. До этого я тешила себя надеждой, что лежу в больнице после аварии и все мои недомогания — последствия травмы. Но зря надеялась!

Глаза стали четче воспринимать картинку, и не обрадовалась я увиденному: деревянные стены, отсутствие мебели, люди в длинных серых хламидах. Все — явные азиаты. Зубов нет у половины. Света нет, в комнате постоянная полутьма. Никакого телевизора и телефонов. Не позвонить. Очень, очень бедная семья. Вместо соски мне давали кусок вяленого мяса. Классно, конечно, но непедagogично.

Я пыталась сказать об этом родителям, как-никак двух детей воспитала, но горло выдавало только крик, тут же переходящий в вопли. Воспоминания подстегивали слезы и панику. От сочувствия самой себе отвлекала мысль: «Интересно, я мальчик или девочка?»

И ведь не проверишь! Не пощупаешь! А по ощущениям я была натуральной блондинкой! Той, что после маникюра и пальцы врастопырку, и не двигается, чтобы лак не задеть. Это что же, я себе педикюр позволить не смогу? Надо срочно выяснить, насколько бедная семья. Нищая совсем или на шопинг разорится?

День за днем, лежа в той позе, как положили, я отвлекала себя от происходящего, отказывалась верить в этот бред.

Доставала воспоминания, собирала крупички прошлого. Но все чаще его затмевало настоящее: радость материнских рук, постоянный сосущий голод, удивление звонкой погремушке.

Вот как можно удивить тридцатилетнюю женщину звонким бубенчиком?! Но неподконтрольные эмоции брали верх, и я звонко смеялась.

Позже выяснилось, что радуюсь не матери, а кормилице. Мама заходила раз-два в сутки, играла со мной, но молока у нее не было. Звали женщину-кукушку — Мицу. И грозило бы мне это психическими травмами — да плевать я на них хотела.

Кормилица по имени Шизука во мне души не чаяла: она больше всех баловала и радовала меня. На ее руках я тонула в океане тепла.

Она называла меня Амай. Мне казалось, что это означает «любимая».

Решила выучить местный язык. Даже если это правда, и я действительно переродилась, сохранив воспоминания, — знание языка лишним не будет и поможет

держат себя в тонусе. А уж какой фурор устрою я в мире научном! Главное, чтобы местные гении на клочки не разорвали от радости и зависти.

Оказалось, что тренировать только мозг при отсутствии телодвижений — невозможно. Извилины в голове будто зависели от мышц в пятках. Началась срочная физподготовка для маленьких детей. Я декламировала стихи и пела про себя песни, перекатывалась с боку на бок, вспоминала своих замечательных сыновей, мужа и плакала.

Хорошо быть малышом: плакать можно без ограничений. Еще и поесть дадут вне расписания.

Как-то очень скоро мое тельце научилось переворачиваться на живот и вставать на четвереньки. Тут главное было — не переусердствовать: у маленьких детей кости слабые. Можно что-нибудь повредить. И спасибо, что в мумию не пеленали, а то я своего старшенького... Так, пойду порыдаю...

Под тихое напевание кормилицы я пыталась то раскататься в позе собаки, то сесть.

С языком уже вышли проблемы. То ли новый иностранный оказался слишком сложным, то ли мозг еще не прокачался. Но, скорее всего, я просто не лингвист. Я и языком крутила, и рот себе растягивала, и строила жуткие рожи, от которых кормилица улюлюкала и звала родителей. И надо мной хохотали уже втроем. Особенно папа — длинный лысый господин в халате. Вонял он, кстати, похлеще остальных. Тут статус, видимо, числом немых дней определялся.

Я корчила гримасы пострашнее, веселя окружающих до легкой боли в животе, и очень надеялась разработать

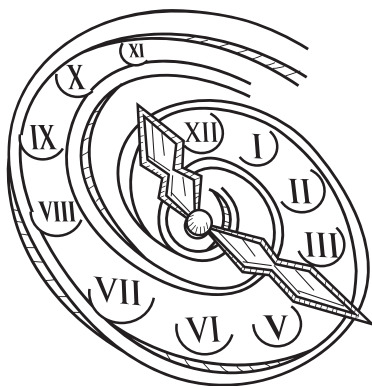
мышцы лица. Не утонуть в самобичевании помогала постоянная практика всего — речи, развития тела. Она же забивала свободное время.

Но важнее — я оказалась девочкой! Почему-то именно это радовало больше всего.

Меня любят.

Жизнь дает второй шанс.

Почему нет?

Глава 2

Главное — не провалить конспирацию

Как-то днем мое величество вынесли погулять в открытой корзине. Подумала, что раз уж я такая крутая и всезнающая, вырасту и непременно стану королевой или владычицей земной. Можно царицей, императрицей или самой богатой женщиной на Земле. Пока меня пеленали, мои планы разрослись от «не худо было бы отмыть эту хату» до «что мешает завоевать мир бескровным путем?» Эх, принесу всем демократию, еще и поблагодарят. Главное — смотреть вовремя. Я же только хорошее хотела людям подарить, а за хорошее обычно хорошо достается.

На прогулке, кроме ясного неба, я увидела огромную лошадиную морду и подумала: «А машин-то неслышно. Живем мы в хибаре. Электричества нет». Купали меня

непривычно: обливали из ковшика, драили травой над мокрым полом и окунали в деревянную ванну. Зачем, если я была уже чистой?

Все это говорило о крайней бедности или неразвитости моего семейства и вселяло тревогу, которую пока забивало предполагаемое величие.

Усиленные тренировки приходилось скрывать. На мои попытки размять кисти рук, ног или гимнастику горла окружающие реагировали испугом, заиканием, иногда бросали в меня сырой фасолью. Бобы я пыталась собирать, развивая мелкую моторику, и возмущалась, почему в меня не кидают чем-то повкуснее.

Ночами я делала массаж всего, до чего могла дотянуться, попутно декламируя Есенина и Пушкина. Про себя, конечно. Вслух получалось: «Мя — мя — МА. Мя». От такого бубнения по ночам меня бы точно цельнозерновыми завалили.

Днем шевелила пальцами ног и рук, пряча их в пеленке. Постоянно старалась что-нибудь вспомнить, проговорить. Особенно впечатлилась «Бесами», внезапно всплывшими в памяти почти дословно. Это же надо так русскую классику в школе заучить, чтобы даже в другом мире от зубов отскакивало!

Долго не могла найти печатных изданий. Мозг истосковался по книгам. Да, я не смогу их прочитать. Но хоть посмотреть-то можно? Потрогать, погрызть. Пожевать что-нибудь хотелось сильнее всего.

А тут наткнулась на текст почему-то на ткани. Краской. Витиеватые узоры, похожие на иероглифы, и ничего не понятно. Вроде буквы шли сверху вниз. Красиво, элегантно.

«Точно язык не выучу», — решила я, вглядываясь в закорючки.

Примерно в полгода уже сидела и перебирала деревянные игрушки. Красивую куклу с прической из потре-

панной веревки, лошадку и веер. Теплые даже на вид, сделанные вручную.

Да просто ужас какой-то!

Я давно поняла: не все хорошо. И мое перерождение прошло с каким-то сбоем. Очень неприятным.

Отсутствие телефонов, благ цивилизации, запахи, одежда.

Здесь даже нет туалета!

Стало обидно за этих людей. Может быть, это какая-то деревня с приверженцами древних традиций? Дремучих даже.

Долго приучала кормилицу к горшку. Она все не могла сообразить, что, если ребенок плачет, его не всегда надо качать. Надо его посадить на горшок. К тому же еще и укачивало от ее стараний.

Но горшка не было. И это усложняло задачу. Сошлись на деревянном тазике.

Когда я показала пальчиком на куклу, началось обучение языку. Я указывала — она называла. Я пыталась повторить.

Со временем дело наладилось, и окружающие перестали пугать меня тарабарщиной. К году я сносно общалась со всеми интересующими меня людьми. Ходила, сама ела ложкой и одевалась.

Кормилица не могла нарадоваться на такого послушного, тихого ребенка. Как только мозг согласился воспринимать мои команды, я начала стараться не повышать голос без повода и улыбаться всем встречным. Людям нравилось.

Отец и мать стали больше уделять мне времени и закрывали глаза на некоторые странности: я могла бегать по кругу, приседать, разговаривать на загадочном

языке, рисовать непонятные никому чертежи. Зарядка и растяжка в исполнении маленького ребенка — наверное, интересное зрелище.

Видя мою тягу к знаниям, кормилица старалась научить меня всему. Только читать и писать она не умела.

Зато запас стихов и сказок был просто огромен. Все — с восточным колоритом. С добавлением слов «император», «самурай», «дух», «семпай». Наряды людей напоминали кимоно¹.

Со временем нашими занятиями заинтересовалась мать, а следом и отец. У них я была первым ребенком, поэтому их несильно удивило столь быстрое развитие и самостоятельность дочери. Несмотря на это, я периодически старалась играть глупого малыша. Были опасения, что в этом придерживающемся старинных традиций месте могут найтись охотники на ведьм, которые с радостью выдадут мой юный дар.

Мать спешно нагроутила меня разбором бытового мусора: на мелкий и побольше. Потом из этих камешков и палок она выкладывала картины в саду. Занималась ландшафтным дизайном и называла это «Сад камней».

Мать постоянно находилась дома и что-то мастерила: икебаны, композиции из камней и веток, вышивала одежду, делала картины. От этой женщины веяло спокойствием и непоколебимостью. Даже если горы встанут и пойдут, она сначала соберет букет и только после поддается панике.

Отца, наоборот, видели крайне редко. Его возвращение сопровождалось пиром и нагоняем служанкам и кухарке.

У семьи, в которой мне посчастливилось или не посчастливилось родиться, был небольшой частный одноэтажный дом. С парой спален, кухней, ванной

¹ Кимоно — длинный халат с широкими рукавами, подвязанный поясом, традиционная одежда в Японии.

и общей комнатой, где все просиживали свои кимоноподобные одежды по вечерам. Одна из комнат была кабинетом отца, там висела длинная катана и стояли стеллажи со свитками. Книг здесь не печатали, писали краской и кисточками на отрезках ткани, которые потом скручивали в рулоны.

Стены дома были из толстой серой ткани, натянутой на деревянный каркас. Я не помнила ни одной зимы, хотя две-три недели в году мы спали в одежде с мехом и под одеялом.

Жилище окружала каменная стена, входом служила высокая бревенчатая арка с загнутой крышей. И вышло, что не бедная у меня семья, а древняя.

Однажды, вернувшись, отец принялся со мной играть в военные игры. Мне дали подержать меч, одобрительно покивали на попытки боевых ударов, усадили на лошадь.

Я же упала с животного, разбила нос, извалялась в навозе. В общем, всячески намекала ему, что хотела бы научиться читать и писать.

Нарисовав на земле огурцы с ножками, стрелками указала, кто из них мне мама, а кто папа. Отец усмехнулся моим художествам и подписал себя иероглифом «Кён» — это была закорючка, похожая на грабли с тремя ногами. И еще один суперзаковыристый паукообразный зигзаг.

Кён Хотомото — я узнала, как зовут отца, большого плечистого мужчину с небольшой бородкой и мозолистыми руками.

Отец неохотно начертил еще пару иероглифов на земле и, после того как я безошибочно их повторила, решил поэкспериментировать.

К восторгу моей матери, к двум годам я уже читала на кокуго — так называли этот язык. В нем было-то всего пять гласных, тринадцать согласных. Согласные, в зависимости от последующей гласной, могли изменяться

в произношении и звучать тридцатью разными звуками. Иероглифов же оказалось очень много. И если простейшие было легко запомнить, то некоторые были настоящим клубком змей, который не то что написать — понять было невозможно.

Краска постоянно растекалась, иероглифы всплывали такие заковыристые, что обучение письму было сравнимо с пытками. Кроме обычных закорючек, которые надо было называть «кандзи»¹, были дополнительные — хирогана. Ими записывали слова низшего порядка, не заслужившие крутых иероглифов: союзы, местоимения, усложнения.

Я старалась как могла: выбесила отца неусидчивостью и упорством, вопросами и несообразительностью. Сдавшись, отец вызвал юношу для моего обучения всем премудростям грамоты и чтения, стал снабжать меня новыми свитками, материалами.

Свои богатства отец разрешал брать только в его присутствии и очень аккуратно.

Мононобе Ватару², так звали юношу, было около двадцати лет. Веселый и милый внешне. С излишне прищуренными глазами, как мне показалось. Но это у всех местных наблюдалось. Я, наверное, такая же.

Страна, куда я угодила, называлась Ямато. Располагалась она не на острове, а на большом материке с названием Ямато, столицей — Асура. И конечно же, с императором — Фудзиварой³ Озэму.

Именно об императоре было большинство прочитанных мною историй. Его хвалили за ум, красоту, дальновидность, храбрость, проницательность, скромность. И о месте женщины в современном обществе меня тоже

¹ Кандзи — японские иероглифы, заимствованные из Китая, служат для записи корней слов. Кандзи — 智 — мудрость, знания.

² Ватару Мононобе — шумящий кругом лес.

³ Фудзивара — 藤原 — глициния в степи (перевод фамилии).

просветили: женщина должна сидеть дома и сохранять семейный уют.

Я читала все подряд: от трактата «Об управлении слугами» до легкомысленных стихов и изучила бы воспоминания гейши, да отобрали не вовремя. Литературы было слишком мало.

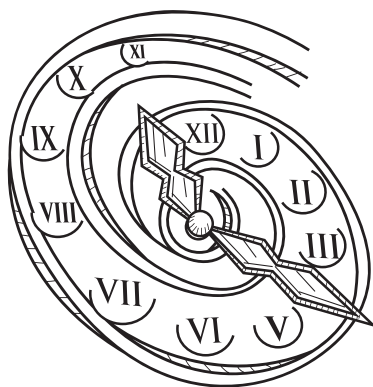
Стихи мне понравились больше всего. Другой адекватной литературы мне не встречалось.

*Наша жизнь — росинка.
Пусть лишь капелька росы
наша жизнь — и все же...¹*

Такие стихотворения доказывали, что краткость — сестра таланта. Потихоньку я постигала странный язык, учила иероглифы и привыкала к мысли: «Мне здесь жить...»

В возрасте четырех лет попала — и меня вызвали во дворец императора.

¹ Хокку Кобаяси Исса «На смерть маленького сына».

Глава 3

Гений — находка для санитаров

Посыльный из императорского дворца был одет в синее кимоно с длинным поясом, перекинутым через плечо. Тонкие желтые ножки кривились буквой «О». На вытянутых в поклоне руках он протягивал нашей служанке свиток.

Мама пробежалась по письму глазами, всплеснула руками — и началась паника. Вымыть, одеть, причесать, собрать, отбелить, постричь.

Меня экстренно собирали во дворец.

Сначала натерли глиной, ужасно пахнувшей и с трудом отмывавшейся. В этом, видимо, была главная задумка: пока все отмоешь — точно станешь чистой. Полили из ковшика, окунули в бочку с водой.

Заплели волосы в высокую кичку на затылке. Замазали лицо белилами и поставили две красные точки на губах. Потом завернули в розовое кимоно и перевязали поясом. На ноги надели белые носки, больше похожие на мешочки для ног, поставили на деревянные шлепки с перемычкой между пальцами и платформой сантиметров по пять.

Вся эта конструкция — кимоно, пояс, платформы и тугая прическа — давила на меня со всех сторон, но больше всего придавливала к полу. Я скептически смотрела на мать. Если бы не мои тренировки, вряд ли я бы могла сделать хоть шаг.

В ворота снова постучали: двое слуг принесли деревянную переноску на четырех палках. Посадили меня в этот деревянный ящик и потащили за ворота.

Мать настрого запретила глазеть по сторонам. Но что взять с ребенка?

За воротами разбегалась чистая улица с рядами таких же заборов, как наш. Много деревьев и цветов. Каждый старался облагородить не только свою территорию, но и прилегающую. Видела парочку каменных садов без оград. Никакого леса или реки. Хотя я надеялась, что мы все же живем отшельниками в какой-нибудь далекой деревне.

Крыши домов с одинаково изогнутыми, как шеи лебедей, краями покрывала смола коричневого цвета. Аутентично, но горят, наверное, такие постройки замечательно.

Я точно в прошлое свалилась! Вот это простор для моего неумного потенциала.

Сколько себя помню, я всегда влезала в активности. Стенгазеты, староста, студенческий совет, КВН,

Содержание

Глава 1. Я открываю глаза	3
Глава 2. Главное — не провалить конспирацию.....	9
Глава 3. Гений — находка для санитаров.....	16
Глава 4. Блага цивилизации	25
Глава 5. Идеи.....	33
Глава 6. Жертвы старым богам	43
Глава 7. Неожиданный жених	50
Глава 8. Дворец в огне.....	59
Глава 9. Игра в детективов	64
Глава 10. Битва за правду.....	73
Глава 11. Необычная тюрьма	79
Глава 12. Гранитные камни науки.....	88
Глава 13. Человек из прошлого	93
Глава 14. От любви до ненависти... ..	101
Глава 15. Друг	105
Глава 16. Непыльная работа	110
Глава 17. Архивы	120
Глава 18. Неприятные визиты	128
Глава 19. Наказание	134
Глава 20. Прорицатель	142
Глава 21. Трудоголизм реформатора неумолим	149
Глава 22. Не закинув сети, не вытащить рыбу	154
Глава 23. Развлечения	163
Глава 24. Мозговой штурм	174
Глава 25. Весна	180
Глава 26. Подозрения	190
Глава 27. Перекресток.....	200
Глава 28. Маленькие радости гейши	209
Глава 29. Пикник.....	215
Глава 30. Имитация деятельности	227
Глава 31. Ночные визиты	232
Глава 32. Что попало в расставленные сети	240
Глава 33. Потери	248

Глава 34. Под землей.....	255
Глава 35. Когда некоторые родственники хуже воров... ..	260
Глава 36. Чужие капканы	271
Глава 37. Кара небесная	285
Глава 38. Косвенные доказательства	292
Глава 39. Жена лучшего друга.....	300
Глава 40. Любовница брата.....	306
Глава 41. Что-то пошло не так	313
Глава 42. Похороны	321
Глава 43. Новая сила	326
Глава 44. Явление.....	340
Глава 45. Рассказ души.....	350
Глава 46. Время собирать камни	359
Эпилог.....	371
Клан Фудзивара.....	378
Клан Хидэёси	379
Клан Иэясу	380
Клан Тоношено	381

Литературно-художественное издание

Анна Рудианова

КОЛЕСО СУДЬБЫ

<i>Ответственный редактор</i>	<i>София Папикян</i>
<i>Выпускающий редактор</i>	<i>Галина Логвинова</i>
<i>Корректоры</i>	<i>Юлия Михайлова</i>
	<i>Татьяна Слепова</i>

Формат 84×108/32. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».

Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 07.2024. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».

Юр. адрес: 124498, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Старое Крюково,
г. Зеленоград, пр-кт Георгиевский, д. 5, помещ. 8/1Т.
Факт. адрес: 432980, Россия, Ульяновская обл., г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.

Свои пожелания и предложения по качеству и содержанию книг
вы можете сообщить по *e-mail: idea@fenixrostov.ru*